

Марина Ясинская

ЗВЁЗДНЫЙ КАМЕНЬ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том 1

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)
Я81

Ясинская, М.

Я81 Звёзды миров. Звёздный камень / М. Ясинская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 380 с. — (Мозаика Миров).

ISBN 978-5-521-92958-0

Фантастические рассказы, вошедшие в этот сборник, с удовольствием читают даже те, кто крайне далёк от фантастики.

В антураже галактических войн, космических круизов и марсианских пустынь разворачиваются самые что ни на есть настоящие человеческие истории, хорошо знакомые читателям.

В центре мягкой гуманитарной фантастики Марины Ясинской всегда стоит человек с его проблемами и переживаниями, и это делает рассказы близкими и понятными каждому.

BIC FL
BISAC FIC028040

Путеводная звезда

Здравствуйте. Меня зовут Никита Огоньков. Мне пятнадцать лет, хотя наверняка сказать не могу. Кажется, пятнадцать. Или шестнадцать. Как вы уже догадались, я – нелегал. Точнее, был им ещё вчера вечером.

Нет, не думайте, меня не поймали. Я пришёл сам. И вообще – ловят больше тех, кто рискнул скрываться от утилизации. Среди нелегалов таких очень мало. Утилизация отыскивает их быстро – ведь о них остаются сведения в системе. Ну а даже если им удаётся скрываться, долго это не длится – через несколько лет внешность их всё равно выдаёт. Другое дело с теми, кто уже родился вне закона. Нас в системе нет.

Думаю, все вы прекрасно знаете, что женщина, у которой меньше девятнадцати лет до окончания срока жизни, не имеет права заводить детей – чтобы несовершеннолетние дети не оставались сиротами. Но некоторые всё равно их заводят, ясное дело – втайне.

Так вот и появляются такие, как я. Нелегалы.

Грубо говоря, нас вроде бы и не существует. У нас нет никаких документов, а значит – и никаких прав. Ни на что. Включая право на жизнекарту. Ну а если нет прав, значит, не может быть и обязанностей. Например, нам в почтовый ящик никогда не кинут повестку из центра утилизации. Впрочем, почтового ящика у нас тоже нет – ведь для этого нужен свой дом.

Вы, наверное, задаётесь вопросом: как я оказался здесь, в самом дорогом, самом престижном центре утилизации «Уйди красиво»? Это долгая история. И начну я рассказ с ответа на вопрос «для чего?».

Мне не нужно шикарных развлечений на последние два часа жизни. Меня не интересуют девушки, тропический пляж, выпивка, прогулки на гидрофлаере или суборбитальном челноке и всякая прочая дорогостоящая экзотическая дребедень. Конечно, я понимаю, что «Уйди красиво» именно на этом и делает основной бизнес, но... Пусть этим наслаждаются другие. Этим и дурацким желанием хоть на пару часов прославиться перед смертью – появиться в прямом эфире перед всей страной. Можно подумать, что сам акт утилизации здесь, в «Уйди красиво», отличается от процедуры обычного муниципального центра. Ха! Вкалывают ведь что тут, что там одно и то же. Только там – бесплатно, хотя и не в такой шикарной обстановке. Но какая разница, где умирать?

Так вот. Я здесь потому, что только «Уйди красиво» транслирует последние часы своих состоятельных клиентов в прямом эфире. Все их причуды. И моя причуда – чтобы вы послушали историю сироты-нелегала, за которую он заплатил двумя годами жизни.

– Ну и муть... – мрачно протянул режиссёр.

– Что делать-то будем? Это же полный провал! А парень – идиот! Такие деньги заплатил за два часа потрепаться перед камерой? Через пять минут зрители просто переключатся на другой канал, и... Катастрофа! Надо что-нибудь срочно придумать! – ассистент суетливо заметался по студии.

– Да успокойся ты, не мельтеши, – устало отозвался режиссёр. – Ну да, упадут у нас рейтинги. Так ведь это только на сегодня. Зато завтра намечается кое-что поинтереснее – клиент выпрыгнет из самолёта с большой высоты. И без парашюта. Свободный полёт перед смертью – каково? Инъекция сработает, когда останется сто метров до поверхности. А может, и не сработает...

– Так это завтра. А сегодня что делать? На рейтинги, на рейтинги-то поглядите! – продолжал причитать ассистент.

– Рекламой окупим, – отмахнулся режиссёр. – Чёрт с ним, с рейтингом. Не смертельно. Прогоним дополнительные ролики, получим больше денег. Кстати, давай-ка прямо сейчас первый блок и запустим.

– А пацан?

– Да пусть треплется. Никто и не заметит. Кому интересно про его несчастное детство слушать...

...Наверное, Игорь меня на свалке за приметил. Он частенько туда со строек мусор на грузовике привозил. Не знаю, почему именно меня забрал – ведь нас там человек восемь работало. Да, да, находятся и такие, кто даёт нелегалам работу. Ещё бы – ведь нам можно платить в два, а то и в три раза меньше. А можно и вообще не платить – жаловаться никто не будет. На последнем моём месте работы, например, никто ни копейки не получал. Мы сортировали и разносили по расщепителям мусор, а нам за это разрешали оставлять себе всё, что захотим. На свалке той мы кормились, одевались и ночевали. На зиму нам даже несколько пустых контейнеров выделяли, чтоб мы в мороз жить там могли. Если кому что-то не нравилось – ответ один: гуляй на все четыре стороны, за твоё место пять нелегалов драться будут. Что, впрочем, и случалось частенько.

Как-то раз одного паренька подкараулил здоровый бугай, избил чуть не насмерть и остался вместо него. Паренёк тот потом приходил, пытался жаловаться – да всё без толку. Хозяева, пока он не явился, подмены даже и не заметили – они нас, кажется, и не различали. И кто из нелегалов на свалке работает – им тоже было всё равно, лишь бы мусор в срок сортировали.

Бывали и такие, кто пробовал возмущаться. Ответ был всегда один: «Хочешь, чтоб я вызвал утилизацию?» А этого никто не хочет. Хоть и не живёшь вовсе, а выживаешь, как дикое

зверьё какое – прячешься ото всех на свете, боишься оказаться не в то время не в том месте, мёрзнешь и голодаешь, всегда молчишь и всё терпишь...

В общем, тем вечером, когда Игорь меня к себе привёл, я просто ошалел. Я в доме-то жилом не был с тех пор, как мать умерла. Только в окошки иногда заглядывал и представлял, как это – жить там, внутри. На улице, как сейчас помню, морозец такой уже крепкий по вечерам стоял. Оно и понятно – середина ноября ведь. А в доме так тепло! И едой пахнет. В прихожей нас встретила Астра. Мне сразу показалось, что она чем-то на маму мою похожа, хоть я её и не помню совсем – только фотографию на могиле пару раз видел, когда на кладбище удавалось проскользнуть.

Астра сначала на Игоря посмотрела, вопросительно так, а потом – на меня. Спросила:

– Голодный?

А я и ответить не смог – комок в горле. Вроде, я ей кивнул. А может, и нет. Мне тогда было очень неловко – вокруг всё такое чистенькое, аккуратное, а я – такой грязный, ободранный, да ещё, хоть сам давно приняхался, но ведь знаю, что помойкой воняю. А Астра даже и не поморщилась.

Прошёл я вслед за Игорем на кухню, меня усадили за стол, налили полную тарелку шей и отрезали огромный ломоть хлеба. Я в жизни ничего вкуснее не ел! Моя тарелка опустела ещё до того, как Игорь успел проглотить первую ложку. И мне тут же налили добавки. Я ел, Игорь ел, а Астра сидела и молча смотрела на нас.

Покушал я, поблагодарил их и собрался было обратно на свалку. И вот тут-то Игорь меня окончательно ошарашил: оставайся, говорит. Я его даже и не понял. Никто в своём уме не приютит нелегала. Даже не накормит – уже за одно это поплатиться можно, сами понимаете. Да как! Большинство рассудит, что кусок хлеба, отданный нелегалу, не стоит сокращения своей жизни на десять лет. И уж тем более не стоит он двадцати лет жизни своих детей, и тридцати – внуков. Эффективный механизм, ничего не скажешь...

Игорь с Астрой, кажется, догадались, о чём я думаю. Астра как-то странно улыбнулась, сказала, что мне не стоит беспокоиться, и позвала за собой. Провела в соседнюю комнату, в зал. Там несколько человек смотрели телевизор. Вывела она меня на самую середину и сказала:

– Знакомьтесь, у нас пополнение. Это – Никита.

Я оглядел незнакомые лица, а сам всё раздумывал, как бы поскорее удрать: мне очень не хотелось, чтобы эти замечательные люди расплачивались за свою доброту годами жизни. И тут я увидел, что в дальнем углу зала, в полумраке в кресле сидит старик. Кажется, я никогда не удивлялся столько раз, сколько в тот день. Вы когда-нибудь стариков видели? Настоящих, а не в кино?

Это был отец Астры, Павел Семёнович. Уже потом я узнал, что ему шестьдесят семь. Ну а то, что он нелегал, я понял сразу. Разумеется, а как же ещё? Ведь только самые большие шишки доживают до шестидесяти. Да и про это я знал лишь понаслышке, а вживую редко встречал кого-то старше пятидесяти. И ещё я начал смутно догадываться, что имела в виду Астра, когда велела мне не беспокоиться.

– Ну, – потёр руки режиссёр, – пора делать деньги.

– А не рано? – засомневался ассистент.

– Какое там! Мы сейчас растеряем остатки аудитории. Ажиотажа по поводу этого монолога ожидать вряд ли стоит, – пренебрежительно скривился режиссёр. – То ли дело было, когда к нам бывший премьер заявился. Помнишь?

– Я здесь тогда не работал, но передачу ту смотрел! Мне кажется, не было таких, кто её пропустил. Он сначала шикарную оргию устроил, да? А когда навеселился, решил подгадить на прощанье бывшим партнёрам и такого про них нарасказал! Обо всяких тёмных делишках, о махинациях. Имена называл. Оторвался мужик напоследок, нечего сказать. А голов, голов-то в правительстве сколько полетело потом...

– Ты рекламу запускай давай, – напомнил режиссёр.

...Так что к концу вечера я знал историю каждого из них. А потом рассказал свою. Поначалу шло туго – я ни разу в жизни этим не делился. Не потому, что не хотел – просто не с кем было. А тут меня так внимательно слушали и хотя и молчали, но я чувствовал, как они мне сопереживают. Я говорил и говорил и начинал постепенно осознавать, как мне повезло. Повезло так, как редко кому везёт...

Те, кто самодовольно считают, что у них есть всё, не правы. В их жизни нет самого главного – таких хороших людей, с которыми встретился я. Их ведь почти не осталось – тех, кого волнует ещё что-то, помимо самих себя. Искренне неравнодушных к чужим проблемам, сочувствующих и сопереживающих бедам других, готовых помочь – и при этом совершенно бескорыстно. Я раньше думал, что их и нет вовсе – так, выдумка, вроде детской сказки. Собственно, я был в этом абсолютно уверен. Пока судьба меня не свела с Игорем, Астрой и людьми, которых они пустили в свой дом...

Мне освободили крохотную кладовку на первом этаже и поставили кровать. Пожалуй, никакие дворцовые покои не могли бы поразить меня больше, чем этот тесный, тёплый и тёмный закуток. Я долго ворочался той ночью, не мог заснуть. Всё пытался осознать, что это – взаправду.

Раньше, бывало, иногда злился – думал о том, что судьба ко мне не очень-то справедлива. Была б она по-настоящему честной, я б не прятался ото всех на свете, не мотался бы по пустырям и не шарился по помойкам. Жил бы как нормальные люди – в чистой тёплой квартире, с мамой и папой, ходил бы в школу, не голодал бы и, наверное, даже не работал бы лет до четырнадцати. А так...

Ещё я часто, очень часто спрашивал себя: зачем меня всё-таки родила на свет мама? Она ведь знала, что её срок подходит через восемь лет и я остаюсь один на всём свете. Почему она так сделала? Понимала ли, на какую жизнь обрекает меня? Представляла ли, каково это – быть нелегалом? Или она думала, как полагают некоторые наивные люди, что это невероятно здорово – жить без ограничения срока?